Вячеслав Недошивин

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Голоса забытых квартир
Где и как жили писатели в Москве и Петербурге

Международная литературная премия им. Фазиля Искандера

За фасадом литературы

18+

Вячеслав Михайлович Недошивин

Серебряный век. Голоса забытых квартир. Где и как жили писатели в Москве и Петербурге

Серия «За фасадом литературы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74824816
Серебряный век. Голоса забытых квартир. Где и как жили писатели в Москве и Петербурге: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-172602-7

Аннотация

Итак – путешествие по «времени и месту» в литературе продолжается. На этот раз, вслед за томом о писателях Золотого века, Вячеслав Недошивин поведет вас по адресам, где жили и творили литераторы века Серебряного.

Впервые, как установили исследователи, Серебряным веком русской литературы назвал конец XIX и первую четверть XX века писатель и публицист Иванов-Разумник. Так он озаглавил статью от 1925 года, которую подписал «говорящим псевдонимом» Ипполит Удушьев. Именно в эту удушливую, а порой и кровавую эпоху войн и революций довелось жить и творить

легендам русской словесности Блоку и Белому, Хлебникову и Мандельштаму, Цветаевой и Ходасевичу, Ахматовой и Гумилеву. А нам, потомкам, всё интереснее знать ныне где, а, главное – как, жили они под грозными небесами столиц России – Петербурга и Москвы. В каких дворцах и «коммуналках» жили, творили, спорили, любили, встречались и – виделись, в последний раз. Ведь если есть история литературы, то есть и живая «география» ее, веря в которую, можно пройтись за писателями буквально след в след.

Об этом второй том нашего «путеводителя страстей», посвященного Золотому, Серебряному и Бронзовому векам.

И предваряя его, вновь повторим вдогонку – удивительных вам прогулок, дорогие читатели!

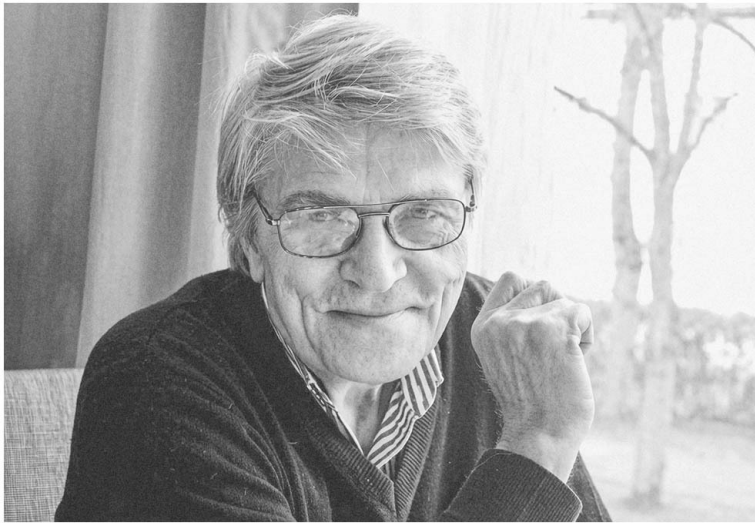
Содержание

…И смех, и слезы, и – любовь. Сто одно кабаре, или Прелюдия жизни и творчества Серебряного века 8
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Вячеслав Недошивин Серебряный век. Голоса забытых квартир. Где и как жили писатели в Москве и Петербурге

© Вячеслав Недошивин, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

НЕДОШИВИН Вячеслав Михайлович (1945 г.) – писатель (чл. Союза писателей Москвы с 2006 г.), литературовед, кинодокументалист, кандидат философских наук (1985 г.), сценарист фильмов о Давыдове, Тютчеве, Куприне, Грине, Цветаевой и Твардовском, лауреат премии «Золотое перо» за 60-серийный авторский телецикл «Безымянные дома. Петербург Серебряного века» (2003 г.) и диплома Медиасоюза России за 40-серийный телецикл «Безымянные дома. Москва Серебряного века» (2008 г.), лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец» за биографию британского классика Дж. Оруэлла «Неприступная душа» (2020 г.), Петербургской литературной премии им. А. Беляева (2022 г.)

и Международной литературной премии им. Фазиля Искандера за очерки о русских поэтах и писателях (2026 г.).

НЕДОШИВИН В. М. – автор книг «Прогулки по Серебряному веку. Очень личные истории из жизни петербургских зданий» (2010 г.), «Адреса любви. Дома и домочадцы русской литературы» (2014 г.), «Литературная Москва. Дома и судьбы, события и тайны» (2021 г.), а также энциклопедического двухтомника: «Атлас. Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8000 адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII–XXI вв.)» и «Атлас. Литературный Петербург. Домовая книга русской словесности, или 7000 адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII–XXI вв.)».

С 2020 г. – автор и ведущий постоянной рубрики исторического журнала «Родина» – «Литературный салон».

Подлинно великий человек с честью выдержит самые «интимные» сообщения о себе.

А не выдержит – и не надо.

Скучно исследовать личность и творчество великого человека, стоя перед ним на коленях.

Викентий Вересаев

…И смех, и слезы, и – любовь. Сто одно кабаре, или Прелюдия жизни и творчества Серебряного века

Смех – дело серьезное. И это не парадокс. Смех – «верная проба души». Так сказал Достоевский. Ну, помните? «Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет… а высмотрите лучше его, когда он смеется. Хорошо смеется человек – значит хороший человек».

Смех бывает беззаботным, добрым и злым, искренним и фальшивым, прощающим и обидным. Он бывает вызывающим, сардоническим и даже трагедийным…

Так вот, 31 августа 1941 года в Ленинграде, во время ставшей уже почти обычной бомбежки, два человека – представьте себе! – рассмеялись. И рассмешила их… собака.

«Бродячая собака»: начало начал (Петербург, Итальянская ул., 4/5)

Я говорю об Ахматовой и ее спутнике – литераторе, профессоре и уже известном пушкинисте Борисе Томашевском.

«Мы вышли из трамвая на Михайловской площади, –

вспоминала Ахматова. – „Тревога“. Всех куда-то гонят. Мы где-то. Один двор, второй, третий, крутая лестница. Пришли…»

Нет, скорей, добежали до первой же подворотни. В третьем дворе спустились в бомбоубежище. Томашевский, пишет, огляделся и лукаво спросил: «Вы узнаете, Анна Андреевна, куда я вас завел? В „Бродячую собаку“». Ахматова улыбнулась: «Со мной – только так и бывает». И оба, едва, казалось бы, спасшись от бомб, весело рассмеялись…

Да, именно здесь был тогда вход в их общее, да и наше прошлое. И веселое, и страшное, как этот эпизод. Здесь было самое, пожалуй, знаменитое кафе-кабаре писателей, художников и артистов, открытое в декабре 1911 года.

Ныне вам не надо даже считать дворы: вы можете, как и я, грешный, спуститься в него прямо с Итальянской улицы и немедленно очутиться среди «оживших теней Серебряного века». Вот только внизу, в полутемном фойе вас не встретит объятиями уже покойный великий Владимир Склярский, тот, кто заново открыл это кабаре в 2001 году, после 14 лет восстановления: от гнилых досок на полу, хлюпающей воды и крыс по углам до реставрации фресок Судейкина и Сапунова, до подиума, столиков и расписных ставней, даже до тележного колеса, которое и раньше, и теперь «изображает» из себя винтажную люстру.

Здесь всё сегодня – память и памятник. Чему? Да если угодно, смеху! Тому самому – беззаботному и трагичному,

клеймящему и поощряемому. Памятник уникальной кабаретной культуры, сумевшей объединить «в одном флаконе» клуб, театр и ресторанчик, но главное – литературный салон, музыкальную гостиную и даже выставку художников.

«Кривое зеркало», «Черный кот», «Летучая мышь», «Биба-бо», «Черная сова», «Петрушка» и «Розовый фонарь», «Кривой Джимми» и «Веселый Бэби», «Хвост павлина», «Голубой сарафан» и даже «Гнездо перелетных птиц» – таких заведений, возникших в начале прошлого века, было по стране десятки. Но я расскажу лишь о трех – тех, чьи здания сохранились до наших дней и где они, случается иногда, возникают вновь. Уже для нас возникают – людей XXI века.

«Лукоморье»: битвы Мейерхольда (Петербург, Литейный пр-т, 42)

Актерствовали в тот год едва ли не все. Можете ли вы представить поэтов Гумилёва и Городецкого на сцене, да еще в гриме?..

Первый мало того что косолапил и слегка косил, так еще и, не выговаривая иных букв, произносил слово «вчера» как «вцерла», а второй никак не мог воспроизвести прилагательное «волшебный» – вечно слетало у него «ворфебный». А ведь именно здесь, на Литейном, в этом вот доме они вместе с Алексеем Толстым, драматургом Дымовым, поэтом Потёмкиным и другими вышли играть «королевичей» в пьесе-сказ-

ке «Ночные пляски». То еще «лицедейство»! И до дикции ли тут, если на сцену их влекло само время?..

Не мной замечено: особенно бедово люди веселятся накануне мировых катастроф. Объяснения этому нет, если не считать того, что еще древние греки делили время между божествами Хроносом и Кайросом. Один фиксировал обычное, календарное время, а второй – тот «благоприятный период», когда нужно действовать ради успеха. И штука тут в том, что время Кайроса как бы растягивает наше сознание и течет почему-то медленней.

Таким оно и было в России накануне Первой мировой. Чуткие поэты звали его «разгулочным», «свальным», «огарочным» и даже, пардон, «кальсонным». «Ах, зачем же нам даны лицемерные штаны!» – распевала погрязшая в эротике и адюльтерах элита, а публика попроще лютовала в ответ: «У тебя нет теплого платочка. Точка. У меня нет зимнего пальта». Это время и породило десятки мимолетных, как бабочки, кабаре на манер французских, где впервые устроители соединили и театр со стихами и музыкой, и ресторан – с птифурами и отбивными. И первыми стали возникшие в 1908-м мейерхольдовское «Лукоморье» и театр-кабаре «Кривое зеркало» остроумца, насмешника, критика и театроведа Александра Кугеля.

В доме на Литейном, во дворце «светской львицы» уходящей эпохи княгини Зинаиды Юсуповой, в салоне которой блистали когда-то и Вяземский, и Тютчев, теперь, при Теат-

ральном клубе, находящемся здесь, и открылись два этих заведения: «Лукоморье» и «Зеркало». Миниатюры, пародии и шаржи, пантомимы и дивертисменты на грани бурлеска не только собирали весь цвет тогдашнего общества, но и заставляли битком набитый зал корчиться от смеха, давиться котлетами и, растягивая календарные часы, эхом отзываться в недрах города: от рабочих окраин на западе до Финского залива на востоке – до лукоморья натурального, что и означает и бухту, и любой залив.

Здесь и состоялось соревнование, конкурс, а точнее, битва двух направлений кабаретной культуры, двух театров, а лучше сказать – двух постановщиков: Мейерхольда и Кугеля. Это случилось 6 декабря 1908 года. В тот день до полуночи на сцене царило мейрхольдовское «Лукоморье», а позже, до 3 часов ночи, публику веселили актеры «Кривого зеркала». И если Мейерхольд уповал на режиссерский театр, то Кугель считал, что главным на подмостках должен быть «Господин Актер». Да ведь это и было время актеров: гаеров, шутов, кривляк и потешников.

«Кривое зеркало»: триумф «Вампуки» (Петербург, канал Грибоедова, 90)

Победило «Кривое зеркало». С него, как считает крупнейшая исследовательница истории кабаре Нора Букс (кстати, моя сокурсница по университету), все в России и началось.

Мейерхольд с того дня, что называется, «умылся», а «Кривое зеркало», для которого стали бешено писать скетчи и миниатюры Леонид Андреев, Игнатий Потапенко, Пётр Потёмкин, Сергей Городецкий и Аркадий Аверченко, переехав уже в свое здание (как раз на канал Грибоедова), просуществует до 1918 года. Навзрыд хохотала здесь публика, встречая пародии на Блока, Брюсова, Андрея Белого или скетчи, высмеивающие Дункан, Сару Бернар, Жорж Санд и ее Альфреда Мюссе. Пьеска, к примеру, Тэффи «Мужской съезд» была в защиту эмансипации, а сценка Чирикова «В отдельном кабинете» пародировала входящую в моду драму ужасов. И это были, заметим, не плоские анекдоты, не зубоскальство, это была «умная и хлесткая критика» всего и вся, все, что можно было назвать или звалось… «вампукой».

Слышали это слово – «вампука»? Ведь мы и ныне, возмущаясь бездарным спектаклем, восклицаем: «Боже, какая вампука!» А так, представьте, называлась пародия на штампованные оперы, поставленная «Кривым зеркалом» в 1909 году, которую театр выпустит более 1000 раз. Она началась с заметки, высмеивающей девиц Смольного института, которые, поздравляя как-то члена императорской фамилии, пропели ему: «Вам пук, вам пук, вам пук цветов подносим…», а превратилась силами композитора В. Г. Эренберга и режиссера Р. А. Унгерна в сатиру «Вампука, принцесса африканская», злую насмешку на рутину сцены и актерские клише.

Пример оказался заразительным; публика валом заполня-

ла появлявшиеся как грибы интимные театрики и кабаре с причудливыми именами: кабаре «Дом интермедий» (Петербург, Галерная ул., 33), «Черный кот» фельетониста В. А. Азова (Петербург, Мойка, 61), потом «Би-ба-бо» Н. Я. Агнивцева (Петербург, Итальянская ул., 19), «Ша нуар» (Петербург, Невский пр-т, 126), «Балаганчик» (Петербург, Садовая ул., 12), «Сверчок на печи», возникший уже позже (Петербург, Невский пр-т, 30), и – сколько еще… Но тон, то самое «кальсонное настроение», все-таки задала на Литейном та пьеса-сказка «Ночные пляски». Ее написал Фёдор Сологуб, а поставил в 1909-м уже знаменитый Фокин. И манком в ней стали не только поэты-актеры, но и 12 обнаженных «королевен-босоножек». Не драматургом – провокатором окажется Сологуб. Уговорив танцевать в пьесе Ольгу Судейкину, подругу Ахматовой (Сологуб даже сочинил ей, как награду, стишок: «Оля, Оля, Оленька, не читай неприличных книг, а лучше ходи совсем голенькая…»), он попытался завлечь на сцену и красавицу-поэтессу Наталью Крандиевскую. «Не будьте буржуазкой, – подначивал ее Сологуб, – вам, как и всякой молодой женщине, хочется быть голой… Хочется плясать босой. Берите пример с Олечки… Она – вакханка. И это прекрасно…»

Спектакль, к счастью, выдержал только две постановки. Но эхо его громыхнуло на все «лукоморье» и стало, если можно так сказать, неким камертоном нового жанра.

«Сказка»: цыганщина богемы (Москва, Соймовский проезд, 1/35)

Это один из красивейших домов в нынешней столице. Его в 1907-м построили по рисунку художника Сергея Малютина, не просто апологета стиля à la russe, но, кто не знает, автора первой «куклы-матрешки», прячущей в себе – себе подобных. Недаром это здание за причудливость кирпича, майолики и башенок сразу же назвали «Домом-сказкой».

На него стоять бы да глядеть! Ведь красота! Но глядеть еще и потому, что внутрь ныне не войдешь – это теперь дом приемов МИДа. Когда-то в нем жили не только Малютин, писавший здесь Брюсова, Вересаева, Телешова, Гиляровского и Серафимовича, но и Натан Альтман, Роберт Фальк, принимавший у себя Мандельштама, Шкловского, даже Хикмета и Сартра, да и сам Лев Троцкий в 1920-х. Последний поселился в реквизированной трехэтажной квартире хозяйки дома Зинаиды Перцовой и не только купался здесь в какой умопомрачительной ванне из черного мрамора, стоявшей посреди одного из залов, но тут же и решил, образно говоря, «отмыть» всю эту «богемную грязь». Предложил Политбюро ввести «серьезный учет» писателям. «Каждый поэт должен иметь свое досье, где собраны биографические сведения о нем, его нынешние связи, литературные, политические и пр.». И ведь такие «досье» собирались как раз и на

тех, кто «тусовался» здесь с 1908 года.

Да, именно в этом доме, в подвале его, зарождались в том году московские кабаре. Отсюда, что из той же «матрешки», вылупятся и «Актерский клуб» Петра Ярцева, и «Студия свободного танца» («à la Дункан») актрисы Ольги Гзовской, и «Общество художниц» поэтессы Нины Серпинской, и главное – кабаре Никиты Балиева «Летучая мышь». Оно открылось здесь 18 октября 1908 года едкой пародией на модную тогда пьесу «Синяя птица».

Что вообще творилось в этом подвале – не передать! Тут, в стенах, обитых светлым кретоном, с диванами, эстрадой, актерской уборной и роялем, что ни вечер-ночь, клубилась, дымилась и кувыркалась художественная интеллигенция. Здесь читались стихи, игрались сценки, здесь актеры, приезжавшие после спектаклей, учились модному кекуоку, рисовали голых натурщиков художницы, ставили голоса певцам и даже дурили публику фокусами.

Богема, короче. Словцо это обозначает «эксцентричную художественную интеллигенцию, ведущую беспорядочную жизнь». А идет оно от французского bohème – «цыганщина». Вот ее-то, цыганщины, тут и было с лихвой.

Здесь «беспрерывно варился кофе, на диванах полулежали зрители и исполнители, – вспоминал свидетель. – Среди ночи пили коньяк. Приезжали Леонид Андреев, треугольный Мейерхольд, кто-то вечно играл на рояле. Борис Пронин, помреж Художественного театра, с открытой шеей и бе-

лым отложным воротничком, как у Блока, вихрем носился, вздувая энтузиазм». Тут в каком-то черном балахоне и с гитарой дебютировал Вертинский: «Ваши пальцы, – пел он с эстрады, – пахнут ладаном»; здесь Лев Кулешов, будущий кинорежиссер, так изображал балерину Анну Павлову, что подвал, не вмещавший, кстати больше 100 человек, взрывался от хохота, а весь «репертуар Дома-сказки», со стихами и мордобоем, с романсами и истериками, со спектаклями и эпатажем, станет, надо признать, лицом и сутью всех будущих кабаре.

Но воистину мировой знаменитостью до яркого ревю уже на Бродвее, до ордена Почетного легиона на грудь, станет Балиев и его «Летучая мышь» – театр-кабаре с подвешенным к потолку (назло мхатовской «Чайке») чучелом этой летающей гадины. И начинался этот театр здесь – с «капустников», с «конферанса» актера, режиссера, недавнего еще секретаря Немировича-Данченко во МХАТе, Никиты Балиева.

«Летучая мышь»: расцвет театра Балиева (Москва, Милютинский пер., 16)

Фантастический человек! Это он, Балиев, «толстяк с маленькими глазками», и его друг, драматург и меценат, «изящный юноша с матовым лицом», Николай Тарасов, при поддержке Качалова, Коонен, Москвина и др., арендовали в феврале 1908 года этот полутемный подвал для «интимно-

го клуба», «кабачка друзей», для «царства привольной, но красивой шутки». Ничего, что здесь было «душно и накурено», зато на столах было дорогое вино и корзины фруктов, а за ними – «обнаженные плечи дам в изысканных туалетах, фраки и смокинги мужчин, общий говор и вдруг… хоровое пение всего зала». Да, главным методом Балиева, а за ним и последующих кабаре, было так называемое «упразднение рампы» и втягивание зрителей в театральное действо: в песню, танец, декламацию.

В 1910-м театр Балиева переехал в новое помещение, в Милютинский переулок, где, дав первый платный спектакль-буффонаду Тарасова «Наполеон и его пропавший шофер», стал почти сразу первым признанным театром-кабаре. Театр высмеивал в постановках спектакли Станиславского, Таирова, Марджанова, причем анекдоты, каламбуры, шарады и романсы так и сыпались со сцены. А когда в 1915-м Балиев «выцарапал» помещение в первом городском небоскребе, в доме Нирнзее (Москва, Бол. Гнездниковский пер., 10), то его театр «скепсиса, гримасы и иронии» стал едва ли не популярнее всех московских театров. Ему подражали, его «приемы» копировали, да и попросту воровали почти все замерцавшие по Москве «мыльные пузырьки» кабаре: «Бим-Бом» клоуна И. Радунского, «Кривой Джимми» режиссера Н. Евреинова, «Каравай» поэтессы В. Инбер, «Ванька-Встанька» поэта Н. Агнивцева, «Павлиний хвост» и «Нерыдай» (в одно слово!) блистательного Игоря Ильин-

ского.

Небоскреб Нирнзее знаменит настолько, что ныне ему посвящены не статьи-исследования – толстые книги. Здесь жили Таиров, Бурлюк, у кого останавливались и Хлебников, и Маяковский, здесь «гостевал» у своей знакомой Есенин и тут, в одной из квартир, познакомился на званном обеде со своей третьей женой Михаил Булгаков. Но самыми шальными местами дома были ресторан «Крыша» (на крыше) и «Летучая мышь» (в подвале). Наверху «хозяйничали» в 1915-м Маяковский и футуристы, а внизу – Балиев, его авторы и исполнители М. Кузмин, Н. Тэффи, Б. Садовский, Т. Щепкина-Куперник, А. Толстой, В. Ходасевич, В. Каменский, М. Чехов, В. Холодная, М. Лилина и – за столиками на почти 200 мест, уписывающие фирменные «вареные языки подумски» (с намеком на болтовню в Думе), – их «благодарные зрители», от гвардейцев, как я уже сказал, и до курсисток.

Балиев вместе с не предавшей его труппой укатит в 1920-м в эмиграцию и уже не вернется. А на первом спектакле кабаре в 1915-м, в доме Нирнзее, присутствовал, как известно, сам Горький. Тогда и возникли сумасшедшие очереди сюда. «С Тверской въезжали как в ущелье, – пишет свидетельница. – Терявшийся в темноте неба дом сверкал сотнями огней. У подъезда с широкими стеклянными дверями трубили клаксоны автомобилей. В просторном вестибюле пышнейшие взбитые дамские прически. Теснейшие шелковые платья с тренами. Студенческие куртки. Офицерские мунди-

ры…» Но мне запомнились две сцены уже поздней «Летучей мыши». Во-первых, слезы поэта Бориса Садовского, когда он в фойе театра еще осенью 1916-го, встретив друга и даже соавтора Владислава Ходасевича, поэта, разрыдался, говоря о войне, о бездарности и глупости царя, а следом, утерев слезы, зло бросил вдруг горькую фразу: «Это все вы Россию сгубили, проклятые либералы». А во-вторых, конечно, шарж Рины Зелёной, который никакой Троцкий стерпеть уже не мог. О нем вспомнит Раневская. И как Зелёная вышла на сцену с «огромной надувной грудью, с золотой цепью до пупка», и как, раскачивая цепь, пела «Долго в цепях нас держали…», а потом, приподняв грудь руками, почти выкрикнула: «В царство свободы дорогу грудью, ах, грудью проложим себе!..»

Ну, какой власти это понравится?! Так закончилась «Летучая мышь» в России, так начались и закатные сумерки всего кабаретного жанра. Времена-то наступали серьезные, когда «смеху» становилось не до смеха.

«Привал комедиантов»: прощальный аккорд (Петербург, Марсово поле, 7/1/18)

Вот здесь, в этом доме на краю Марсова поля, где за два столетия успели пожить десятки поэтов и писателей, начиная от литератора и ученого-физика Павла Шиллинга, у которого бывали тут Пушкин, Жуковский и Вяземский, от

Леонида Андреева, Анны Ахматовой и Велимира Хлебникова и до Веры Пановой и Юрия Германа, здесь, в подвале этого дома, скоропостижно умерло в 1919-м, наверное, самое знаменитое из последних кабаре – театр-кабачок «Привал комедиантов».

«Холодно. Нет ни заказных столиков, ни сигар, – пишет поэт Георгий Иванов. – Электричество не горит – оплывают свечи. С улицы слышны выстрелы. Вдруг топот, стук прикладов. Десяток красноармейцев, под командой увешанной оружием женщины, вваливается в „венецианскую залу“. – Ваши документы! – Уходят, ворча: доберемся до вас. И снова – свечи, стихи Ахматовой или Бодлера, музыка Дебюсси или Артура Лурье…»

Последний подвал, последнее классическое кабаре, где ставились спектакли, читали стихи Бунин, Блок, Мандельштам, Кузмин, Есенин и Северянин, танцевала наша королевна Судейкина и «богиня воздуха» Карсавина, актерствовали Мейерхольд и Евреинов и мирно болтали за столиками тогда не особо известные еще Колчак, Троцкий и Луначарский.

«Привал» открылся в 1916-м, сразу после того, как в 1915-м полицией за «нарушение сухого закона» была закрыта «Бродячая собака», тот подвал, с которого я начал эти заметки. Здесь же все напоминало как раз «Собаку», где были вызовы на дуэли (Мандельштам – Хлебникова), мордобой (Бальмонт и Морозов), адюльтеры (Ахматовой с Лурье,

а Гумилёва – с актрисой Высотской, родившей ему сына) и скандалезные выпады (Маяковского и Толстого, бегавшего там, в «Собаке» на карачках, изображая пса).

Но главное – общим был организатор этих двух кабаре. Невероятный актер, режиссер и антрепренер Борис Пронин. Помните, это тот помреж Станиславского, кто еще в 1908 году, в «Доме-сказке» Москвы, «вихрем носился, вздувая энтузиазм». На этом энтузиазме, начиная с дерзких «капустников» в МХАТе, он и жил.

«Вечный студент, неудавшийся революционер, бесконечный мечтатель, – вспомнит о нем Сергей Судейкин, – говоривший, вернее захлебывающийся от восторга о том, что ценно…» Пронин ведь и после закрытия «Привала» опять рванет в Москву, где – поразительно! – снова откроет в 1922-м сначала в своей квартире (Москва, Бол. Молчановка ул., 32), а затем и в нанятом помещении (Москва, Средний Кисловский пер., 3) новое «предприятие» – очередное кабаре, где будут бывать его друзья Мандельштам, Шершеневич, философ Шпет, актеры Качалов, Москвин и много кто еще. И знаете, как он назовет это новое пристанище? «Странствующий энтузиаст»!

Энтузиаст «взахлеб», «доктор эстетики», как Пронин наврал про себя на своей визитке, «милый друг» всего, считайте, Серебряного века, «матрешка идей» и чудик – он был, можно сказать, душой кабаретной культуры: наивной, иллюзорной, возвышенной и комичной. Он был, если уж на то

пошло, живым примером того, что из ухмылки, шутки, издевки и смеха, то есть из ничего, из эфира, может родиться «проект» с реальными залами, стульями, кулисами, оркестрами и стихами, пирожными и танцами. Как родиться? Да вот так!

Явившись с новым «проектом», он, как вспомнит тот же Иванов, «засыпал собеседника словами»: «Попытка возразить ему – была безнадежна. – Понимаешь… знаешь… клянусь… гениально… три дня… Мейерхольд… градоначальник… Ида Рубинштейн… Верхарн… смета… Судейкин… гениально… – как горох, летело из его не переставшего улыбаться рта. „Гениальное“ дело, конечно, не выходило. Из-за „пустяка“, понятно. Пронин не унывал. Теперь все предусмотрено. Гениально… невероятно… изумительно… Рихард Штраус… Умудренный опытом обольщаемый собеседник жмется. – Да ведь и в прошлый раз, по вашим словам, выходило… „Ах, Боже мой, что за человек, – удивлялся Пронин. – Да ведь тогда провалилось, потому что он стал интриговать. Теперь он наш. Теперь все пойдет изумительно…“ И кто-то снова, вздыхая, выписывает чек, или едет хлопотать в министерство, или пишет пьесу, по мере сил участвуя в работе… Не так и мало, если не знать, сколько энергии, и своей и чужой, на нее убито…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.